

К 1432355

✓ 00

Андрей Коков

ИСКУШЕНИЕ
ВЕТРОМ

Андрей Коков

ИСКУШЕНИЕ ВЕТРОМ

Вологда, "Свеча", 1996

*Лирическое плавание по вологодским
и иным северным просторам*

От автора

В 33 года - о чём говорят обычно, что это возраст Иисуса Христа - человек находится как бы на гребне своего пути во времени: с одной стороны хорошо виден пройденный путь, зато уже неплохо видно и то, куда эта дорожка ведет... Скоротечна бременная наша жизнь, и может быть потому знакомая с моим стихотворчеством публика побуждает меня объединить в виде книжки разрозненные поэтические отображения и окружающего, и находящегося внутри меня мира. Кому-то эти опыты покажутся надуманными, или же обусловленными излишне ранним постарением автора. И всё же стихи, которые я включил в этот сборник, написаны весьма молодым человеком, который жил во вполне конкретную историческую эпоху, хотя и стремился обойти стороной глупость мира сего, удручающе воздействующего на состояние души. Дополнительный фактор, подспудноотягощающий нашу и так нелегкую жизнь в драматически меняющемся мире - приближение конца тысячелетия. Хочется надеяться, что после жителей конца XX-го века, к современникам которых сам я в первую очередь отношусь, останется не только генная, но и культурная память...

Андрей Коков,
Финляндия, Рихимяки, 1996 г.

Краткая биографическая справка

- Коков Андрей Валерьевич, родился в 1963 году в Вологде. Здесь же и жил вплоть до переезда в Финляндию в 1991 году.
- К Валерию Кокову, президенту Кабардино-Балкарской республики, не имеет никакого отношения.
- Окончил в 1985 г. политехнический институт, работал программистом на оптико-механическом заводе и старшим инженером в лаборатории контактной коррекции областной офтальмологической больницы.
- Публиковал стихи и статьи в изданиях многотиражной и областной печати с 1981 года.

Вологодский ветер

Вологодский ветер - а он в основном
с северо-запада и несет сырость, -
так вот, этот ветер как древний гном,
напавший дождевик навзрыст.
Когда он стучит по раме дождем
и сдувает ворон с деревьев,
лучше дома сидеть вдвоем,
пониманием душу грея.

Ветер на родине создает настрой,
не ждущий милостей от погоды.
Может быть, это климат такой.
Может, мы люди такой породы...

Давление ветра сродни давлению
века плутония и прогресса.
Поэзия здешняя - словно течение
молодого вина из старого пресса.
А можно подумать, что стихи - это сны,
выплывшие вечером из-под пробки
бутыли, спрятанной до весны
в глубине черепной коробки.

1994

* * *

В промокшей северной деревне
куда ни кинь - везде забор,
да архаичные деревья
мой ограничивают двор.

И снова - мысли, и не спится.
Погасло небо за рекой.
В окно боярышник стучится
колючей жилистой рукой.

Повремени еще, помедли,
осенний ангел, редкий гость,
зайди в дождливый заповедник
и пригуби рябины гроздь.

Я выйду в ночь, развесив уши,
и слышу: шифером гремя
на крышу падают не груши,
а просто слёзы сентября.

1996

* * *

Бывший узник, ломаемый скрипом костей,
не дождешься сегодня желанных гостей.

Нынче волки не воют, не чувят беду.
И облезлые черти не дуют в дуду.

Просто выпало время в ничто, в никуда,
и бесформенны мысли как в небе вода.

Ни крючка и ни точки на белом листе.
Шар земной проворачивается в пустоте.

1995

Холодные слова

Как холодно в плену приблизительных улиц -
скорее прочь, на северо-запад:
оттуда свежим поверьем дует.

Моя тень на песке напоминает краба.
Северный день повернул на убыль.
Правой рукою песок сцапав,
ощущаю сквозь пальцы текущие зубы
обитателей древнего побережья.

Большинство из нас, как и прежде,
полагают себя мудрее предков.
Но, удалившись к озерам и рекам,
когда рассмотришь окружающую природу
(если способность такого рода
еще не отпала за полной ненужностью),
то, вероятно, обнаружишь с ужасом,
что прошлое - прошло, как водится,

мимо,

и мы - потомки слепых пилигримов,
бредущие по суровой местности
вроде вечности,
поскольку малопонятные окрестности
можно предвидеть разумом. Однако
что-либо изменить мы, увы, не в силах,
ни рассмотреть деталей, ни как-то
зацепиться за смысл, знак или символ.

И мы несем свою ношу - бумаги,
головы на плечах и т.д., и, наги,
забираемся в нежные (или не очень) объятия
и кажущейся легкостью зачать
продолжаем извечную цепь
страданий,
и, глядя на твердь
возводимых зданий,
питаем иллюзию линейного роста,
но, вероятно, всё не так просто.

Наказанный
метастазами разума,
сиду на бревне, уносимый временем.
Ветер стихает, утомленный трением.

Оттуда, откуда меня унесло,
тянется цепочка холодных слов.

28.11.88.

Один из путей

Увы, не разменной монетой мы платим
за радости жизни, а - ликом своим.
На наши улыбки шершавою лапой
нам время кладет несмываемый грим.

Как правило, время любви незаметно
сменяется скорбным молчанием чувств.
Попытки вернуть понимание тщетны.
Источник доверья исчерпан. И - пусть.

Что будет, то будет: всё будет как надо.
Фатальна реальность и детски проста:
одним утешенье и радость в награду,
другим - одиночество и пустота.

Кончина души не всегда невозвратна:
возможны набеги весенних чертей,
что ставят легко выводимые пятна
на чистых страницах привычных страстей

А странный характер не олуха с неба,
но мальчика-мужа насыщенных лет
структуру страданий копирует слепо
на мир языка и забудет, как бред.

1986

Неназываемое

Так устроено, что нечего называть домом.
 Из этого следует несколько выводов.
 Выводы делают, как правило, чтобы
 повесить КПД мозгового привода.
 Слова — это опавшие листья
 логического дерева, в чем-то повторяющие
 ветвления и переходы мысли,
 нередко эту же мысль убивающие.
 Рифмованные слова легче запомнить,
 да и форма ограничивает их количество.
 Их и цитировать, и жевать удобнее...
 Часто они носят название лирических.

Устал говорить на ненужные темы.
 Речь становится окостенелой,
 но с друзьями язык — без костей или хуже,
 словно душа стремится наружу.
 И просится-то она, и ноет, но
 бесперспективно мое окно —
 в нем ни Европы, ни горизонта.
 Есть система с возрастом мастодонта,
 настолько древнее ископаемое,
 что лишилось имени. Неназываемое.
 Это — когда без слов понимаешь,
 без слов действуешь — на уровне чувства;
 когда словами душу не давишь,
 когда твое поле становится чутким...
 Значит, живой — не робот, не функция.
 Значит, можешь опьянеть от любви.
 Эта стихия — твоя попутчица.
 Она и говорит тебе:

— Милый, живи!

Приходит, чтоб уйти.

Но голос мой и влажен, и невесел.
А тени всё длинней, и облака всё ниже,
и птицам перелётным не до песен.

Нет музыки в губах, обветренных от слов,
покрытых повсёдневною коростой.
Осталась лишь она, лишаящая снов,
входящая в меня как воздух.

Я знаю, что она уйдет: наверняка
есть многие ещё на этом свете,
кому нужна её спокойная рука.

Вечерняя любовь — как ветер...

Мне зябко одному. Печаль не горяча,
и лишь одно в душе затосковавшей:
вечерняя любовь у моего плеча -
как плач неразделенной настоящей.

Исповедь медведя

Я - бурый медведь,
ни разу не видел леса.
Мир мой — стальная клеть.
Вырос я. Тесно!

Кольцо в носу. Горечь.
Ездят, как на корове.
Мой дрессировщик — сволочь.
Крови хочу, крови!..

В зубах моих желтых зло,
а я веселю детишек.
Напротив стоит слон.
Я слышу — он плачет. Тише,
волки, грызню бросьте!
Если бы не запоры,
хрустнули б ваши кости...
В подлости сила своры.
желтые зубы скалю...
Ну, подойди поближе!
Так и людскую стаю
я ненавижу.

Я - бурый медведь,
старый;
шатаю стальную клеть
устало.
Я не хочу на волю.
Сдохнуть скорее, что ли...

июнь 1983

Старый дядя Вася

Дядя Вася "ишаком" работал:
на тележку он чугун грузил,
и железо это по заводу,
напрягая жилы, развозил.

В партию давно вступил когда-то,
ничего чужого не хотел.
Отдыхать ушел в шестидесятом,
но и тут без дела не сидел.

Как умел, всю - не понемножку -
он пахал в "плантации" своей,
и кормил он луком и картошкой
семьи дочерей и сыновей.

Сын один разбил машину вскоре,
а другой попал под тепловоз.
"Много лука - значит много горя", -
дядя Вася горько произнес.

В восемьдесят немощь навалилась,
отнялись натруженные ноги.
Бабка его Богу не молилась,
а пошла обстучивать пороги:

дескать, он теперь больной и старый,
коммунист и ветеран труда,
и нужна квартира не гнилая,
газ, тепло, удобства и вода...

Слушали, кивали - но не боле...
Что теперь заводу старики!
Дядю Васю вывозили в поле,
он тихонько дергал сорняки.

И, как прежде, говорил он сказки,
только меньше юмора в словах,
да всё больше лука на участке,
а у бабки - злости в матюгах.

"Мне не надо", - говорил, - "награды,
вообще не надо ничего:
жизнью жил, работал - вот и ладно.
Главное, в будущее верил, во!"

* * *

Какая-то арабская судьба -
скитаться из оазиса в оазис.
Искать? - о, нет: спасаемся. Борьба
разрушит в прах любой базальт и базис.

течет песок, как время - в никуда:
песок есть прах, оставшийся от камня.
бредем в песках, томимы жаждой давней.
Бедна нас окружившая среда,
бедна водою чистой - и любовью.

Кладите меня, братцы, вот сюда,
и камень привалите к изголовью.
Не надо начертаний - мол, поэт,
такой-то, там-то, столько-то, тогда-то:
читать навряд ли станут этот бред
святые скарабей-меценаты.

Два-три араба, сморщенных, седых,
походный чай поодадь разогреют.
Прочтут Коран. И снова постареют.
Средь нас уже не будет молодых...

Один в пустыне. Холодает ночью.
Горсть фиников сухих гремит в кармане.
Как древний куст с иссохшими корнями,
губами пью прохладу мертвой почвы.

15.03.89.

* * *

Нам светит Солнце со своей эклиптики,
и мы полагаем, что специально для нас.
Так и поэзия, по мнению критиков,
должна приносить пользу для масс.
В этом деле есть подводные рифы,
а снаружи крепнет коммерческий дух.
Я подбираю свежие рифмы,
пока интеллект ещё не протух.

Я - житель ненадежного времени,
поедающий ту же дрянь, что и все.
Я ухожу говорить с деревьями,
усталым ухом припадаю к грозе.
Мне надоела монотонная песенка
мощных моторов и грязных подошв.
Я каждый день обрастаю плесенью,
и поэтому смело выхожу под дождь.

Кому-то кажется, что там радиация,
но нам эту реальность ощущать не дано --
как и более зажиточным нациям,
с которыми общаемся через "окно".

Нам внушали, что за нами гонятся,
но чьи это пятки свистят впереди?
Нам говорят "не убий" и молятся,
а впору проповедовать: "не роди" --
ибо толпы голодных сидят на асфальте
и на пыльных дорогах бесплодных пустынь,
подростки тянутся к военной браваре,
а речи вождей абсолютно пусты.

Над землею в венах течет электричество,
 под землей в артериях струится нефть.
 Я знаком с ЭВМ, но на ней не вычислить,
 сколько стоит кедровая ветвь.

Нас учили, будто земля — кормилица.
 Но на самом деле и это не так
 ей всё равно, какие тут кризисы,
 и кто её топчет — конь или танк.
 Она, земля, захочет — разверзнется,
 захочет — перестанет давать урожай,
 и ей безразлична вся околесица,
 от которой криком кричит душа.

Кто я такой, чтоб взывать к разуму,
 говорить о совести, стремиться к любви?
 Между мной и вами — никакой разницы,
 у меня такая же соль в крови.

Вам ведь тоже порою хочется
 не то разрушить, не то сотворить?
 Но когда дело доходит до творчества,
 то проще не делать, а говорить...

И зачем я молча раздвигаю множества,
 в которых понятия от "А" до "Я",
 и, перешагивая свое убожество,
 блуждаю в сумерках бытия?

май 1986

Монастырские летописцы

Ночь. Пожар. Собаки воют.
Медный колокол гудит.
Головою прямо в омут
тело мертвое летит.
Снег. Мороз. Луна сияет.
Сани быстрые скользят.
На санях гармонь играет,
красны девки голосят.

Глушь. Деревня. Меж дворами
староверов-кержаков
молча бьются топорами
сорок пьяных мужиков.
Ой ты, гой еси, Россия,
ох ты, мать ети, страна!
Чья коса тебя косила,
чья чесала борона?

Вшиво, братья, поживаем,
но за хлебушка кусок
лживу летопись кропаем,
крутим-вертим колесо.
Мы истории колёса
смажем дегтем и дерьмом,
а потомкам на вопросы
мы ответствуем псалмом:
"От Перми и до Тавриды
право, славен наш народ,
и на скалах Антарктиды
мы закончили поход!"

дек. 1986

Угнетение ветром

Уезжаю в деревню,
как будто нет мест веселей -
так не ради забав,
а для поиска истинных весен.
Прирастаю к земле,
в удаленном от шума селе
губкой легких припав
к освещенному выдоху сосен.

Здесь и солнце родней,
и трава непомерно густа,
небо ближе - иль глаз
изменяет пропорции мира.
Здесь не губы - уста,
коль вода родника столь чиста...
Но в святые места
пробирается Ирод.

На земле моей вижу
бездушных посланцев его:
они рыщут в хлевах,
угоняют немую скотину.
Над его головой
ни рогов, ни кругов - ничего:
только ярость в словах
и в глазах - паутина.

Я от хамских словес
защищаюсь зеленой травой,
синим дымом костра,
заклинанием собственной плоти,
но пронзительный вой
над моею безмолвной тропой
поднимают ветра
в злой осенней работе.

Время тешит обманом,
как пряником, манит судьбой,
а паденье листвы
нагнетает слова из тумана:
ты доволен собой
и своею судьбою-рабой,
просто все вы - увы! -
в оболочке обмана.

остается лишь ветер полей,
прославляющий тьму,
уносящий покой,
обнажающий боль и разлуку.
Нет приюта уму,
не по силам избежать ему
искушения мглой,
и растленья не выдержать муку.

9.09.86.

Тропинка в горы

Время собраться на северной башне,
 скрыться от призрачных дел.
 Время судить о работе вчерашней,
 завтрашний вспомнить удел.

В полночь поднимемся, трое ученых,
 в старый заброшенный храм.
 Белый олень с обезьяною черной
 станут прислуживать нам.
 Будем беседовать неторопливо,
 пить под луною вино.
 Дальние горы. Цветущие сливы.
 Тихо. Прохладно. Темно.

Может быть, небо становится ближе,
 может быть, горы растут...
 Время молчания: явственно слышен
 сердца размеренный стук.

Лунный закат за священной горою.
 Вод гармонический шум.
 Вот что сказали отшельники трое
 в Башне Возвышенных Дум:
 "время достойно усилий подъема:
 пусть до вершин не дойдешь -
 но отодвинешь предел окоема
 и красоту обретешь".

29.11.87.

* * *

При затмении полной луны
звезды вспыхнули словом пророка.
Равнодушно оно и жестоко
отвергало надежды и сны.

Аромат этих дальних светил
напитал монотонные травы.
Воздух, полный тоскливой отравы,
нас с ума постоянством сводил.

В равномерном потоке лучей
тень Земли невидимкой скользила,
и была в этом томная сила
переменчивых, кротких ночей.

Только ночь позволяет взглянуть
в ледяную холодную бездну,
ужаснуться, ликуя, и трезво
окупаться в житейскую муть.

А когда кровавая луна
вновь открыла свой лик неизменный,
беспросветному мраку на смену
потекла голубая волна —

сияй, сияй, прекрасная мгла,
хрупкая мгла голубого стекла...

23.10.86.

* * *

Что-то должно случиться.
Ветер гремит железом.
Время пророчит горе.
Мудрость не может спать.
Ветер, как волк, промчится
темным холодным лесом,
к небу вздымая корни,
елки начнет ломать.

Звери стремятся в норы,
или собьются в стаи;
с неба сплошным потоком —
дождь или снег уже...
Жутко в такую пору
всякой бездомной твари;
страшно и одиноко
каждой живой душе.

6.02.87.

Серая ночь

Близится чье-то лицо,
напоминая мечту.
Я выхожу на крыльцо,
долго смотрю в темноту.

Кто мне мешает уснуть
этой порой воровской?
Что леденит мою грудь
мертвой глухою тоской?

Кто-то от кромки лесов
пристально смотрит сюда.
Маятник серых часов,
капает с веток вода.

Струи тумана чисты.
Кровь закипает в ушах.
Кто-то уходит в кусты.
Травы шаги заглушат.

Зверь это был или дух?
Боже, как глух я и слеп!
Скоро проснется петух
и заржавеет рассвет.

26.12.86.

Позиция

Кто мы такие? — мы мирные люди
с большим количеством прав.
Наша вера против наличия душ
у людей, животных и трав.

Мы мыслим сугубо материально
и бьем друг друга рублем,
но если деньги станут весомей,
то мы друг друга убьем.

Если небо в дыме, вода с мазутом,
школы полны дураков,
но пусто в лавке, то в этом виден
происки идейных врагов.

Это в нашем стиле — отправить лишних
в Сибирь или на Кавказ,
ибо тот, кто иначе видит и пишет,
конечно же против нас.

Однажды в лесу мы наткнулись на свалку
деталей Великой Стены,
но это — исконно наша земля,
и мы были возмущены.

Неважно, что есть изотопный метод,
и река называется Го -
своим исключительно твердым ответом
мы обезоружим врагов.

Наши предки в тайге выжигали степи,
а мы зальем их водой.
Радиация повысит укусы,
и кислотный дождик — надой.

И люди будут любить в скафандрах,
а в космосе будет рай.
Но кому он нужен, когда на карту
поставлен родимый край?

1987

Летняя сессия

Унылый жаркий день.
В пыли режут машины.
Сосед стучит —
    он раковину чинит.
Лакает шмель
    цветов увядших хмель.
Полью их
и засяду за конспекты.

Вот так проходит тень
по комнате моей
от шевелящихся огромных тополей,
да глухо
ударяет молоток,
и, залетев с отравленных помоек,
тут муха,
высунувши длинный хоботок,
трет лапками его
и глазки моет.

1983

ЧП

Вышел на работу токарь Хохолков.
Он расположился около станков.
В цехе нет рабочих: семь ещё утра.
Хохолков штанину подвернул: пора.

Он ещё помедлил, закатав рукав,
и через минуту открыл электрошкаф.
Хохолков отверткой клеммы отвернул:
на запястье — фазу, на лодыжку — нуль.

Что тогда он думал, что он вспоминал?
Я не знаю. Токарь ручку "откл" сжал.
Поворот по стрелке и глухой щелчок —
лишь на амперметре тока был толчок.

Долго шел в заводе вздох у мужиков:
"Был непьющим вроде Слава Хохолков..."

1983

Объяснение в любви

Вместо грома —
сбивчивый лепет.
В ответ —
неприязненный взор.
Хочешь собратся —
в голову лезет
всякий
затейливый вздор.

Она повернулась
и в вечность шагнула,
дернув плечом,
как водится.

Мышка бежала,
хвостиком махнула.

Скоро придет уборщица.

1984

* * *

Ночь в Вологде. Завеса дыма
и вкус пожизненной тоски.
Гул поездов, бегущих мимо.
Любовь до гробовой доски
и впрямь ведет до двери морга,
где между почерневших тел,
холодную покинув корку,
душа оплачет свой удел.

Покуда же, за водкой стоя, -
или по карточкам паёк,
развитие времен застоя, -
короче, каждый наш денек
наполнен делом грубо, зримо,
и, в кухнях грея скудный чай,
обнимемся, и запах дыма
сопутствует нам, как печаль.

Страна печали, крест заботы.
Во тьме бредем, не зная троп.
Ни Воскресенья, ни Субботы.
Землетрясения и потоп
сопутствуют судьбе. И странно
нам узнавать в пустыне сей
и откровенья Иоанна,
и что пророчил Моисей.

1989

* * *

Вот человек с глазами птицы
простился с нами на углу.
Уносит наши с вами лица
с собой в обыденную мглу.

Не говори: "растратил пыл,
засох, остался не у дела".
Он яркой лампочкою был,
да в нём спираль перегорела.

1983

* * *

Когда с тобой наедине —
как водолаз на глубине,
как глаз тайфуна в вышине —
я удивительно спокоен.
Как переполненный стакан.
Но так во тьме каменоломен
невидимо молчит вулкан...

И почему я не обижусь
и снова радостно гляжу?
Когда опять с тобой увижусь,
то непременно расскажу.

1983

* * *

Снег. Душа моя остыла.
Неуютно на земле.
Новый день заходит с тыла,
тихо крадучись во мгле.

Ветер. Маленькие звёзды
меж лохматых облаков
слабо согревают воздух
с постоянством угольков.

Для чего мне эти мысли,
это время, эта суть?
В неоглядной звездной выси
я пытаюсь утонуть.

Но - напрасно. Мелким бесом
набегает суета.
От гремучего железа
молча гибнет красота.

Новый день проглотит зиму,
сея панику в душе,
и пригонит к магазину
пару сотен алкашей.

* * *

Утром встанешь - в кране сухо.
Кулаком протерши рожу,
вспомнишь: с вечера журчало,
протекал на кухне кран -
и идешь в толпе таких же
непроспавшихся прохожих
на работу... На работу.
На работу! Делать план.

После смены в проходной
вахтер пропустит сквозь "вертушку";
глаз-алмаз: на то он старый,
ворошиловский стрелок.
Покупаешь в гастрономе
чай, кефир, да к чаю сушки,
и из очереди выплыв,
уличный вдыхаешь смог.

Серый вечер. Люди жмутся
на обломках тротуара,
и тебя пихают в грязный
переполненный троллейбус.
мужики воняют водочно-
табачным перегаром.
Все названья остановок
неразборчивы как ребус.

И - по доскам, по кирпичикам,
в родимую общагу,
где без пропуска, без окрика
не сделает ни шагу
ни один из посторонних,
посетителей докучных.
Телевизор. Сигареты.
Болтовня. Стаканы. Скучно.

Ночью ветер завывает
в законных проводах.
Что-то бодрое несется
с перегретого экрана.
Таракан пирует в кухне.
На плите - сковорода.
Тихо капает вода
из общественного крана.

1988

Предвестие зимы

В октябре
солнце садится в пять,
озаряя розовым снизу
облака, которые вспять
движутся.

Это - капризы
ветра, меняющего то и дело
направление мыслей.

Солнце село,
оставив нас в темноте, как слизней,
ползать в неимоверной грязи.
Ежегодный предвестник зим,
пасмурный сей и мрачный сезон
города обращает в подобие зон
даже внешне - не говоря о селе.

Даже будучи навеселе,
выйдешь из дому, но от мрака
всё веселье твое насмарку.

Утром, в начале рабочего дня,
худо одетая ребятня
уныло тянется к средним школам.
Бабки у магазинов застыли
в очередях. По деревьям голым
скачут галки. В такой пустыне

глас вопиющего ни к чему.
 Будь же твердым, иначе уму,
 размягченному него книжной,
 будет непросто выжить.

Будь осторожен - ведь о тебе
 некому плакать, коли в судьбе
 произойдет коварный излом.

Стремись быть добрым, ибо со злом
 в сердце копится желчь.
 Не помышляй же "глаголом жечь":
 ибо - безбрежно вместилище мрака.

Вспомни, в Евангелии от Марка
 есть слова - возможно, пугающие,
     потому остающиеся в тени:
 "горе беременным и питающим
     сосцами в те дни".
 Вам, лицемеры, "во имя детства"
     призывающие рожать:
 "молитесь, чтоб не случилось бегство
 ваше зимою"
     — и куда бежать?

20.10.90.

---

* Март 13, 17-18.

Письмо китайского посланника
другу в Поднебесную

« Любезный Чжоу, позади все дни
пути в державу варваров. Они
страну содержат грязной и пустой.
Куда ни заезжали на постой,
мы находили на дворе навоз,
в сортире зажимали рот и нос.
Одни и летом ходят в пышных шубах,
другие – и зимой в худых тулупах,
но в основном смердят и те, и эти.
Едят – не знаю что. У них к диете
такое отношение – просто тьфу...
Любой мерзавец, овладев кунг-фу,
наводит страх на мирных поселян.
Как правильно сказал коллега Лян,
империя у них сама себя
погубит. Правду знаний не любя,
и верхние верхи, и нижний низ
ученость понимают как каприз.
В почете сила злобная да власть.
Наместники пока пируют всласть,
но землю изуродовали – вместе
с крестьянами: доныне ни поместий,
ни справных огородов у семьи...
И каждый год в преддверии зимы
они вопят: "а что мы будем есть?"
Хотя полей и рек у них не счесть –
ни овощей, ни рыбы на столе.
В каком ни оказался бы селе,
все пьянствуют да стонут. А войска
безбожно объедают мужика.

Да и мужик к тому уже привык,
 что землю прокопает он на штык,
 картошку уберет, а огурцы
 загубит; шкуру, снятую с овцы,
 проквасит, а жене он выбьет зуб
 за то, что пересаливает суп.
 А в городах, где нет ни ремесла,
 ни сдержанной культуры, зёрна зла
 всё гуще прорастают из глубин.
 Коль скоро мы, китайцы, не сглупим,
 мы этою дорогой не пойдём,
 и даже если мы не расцветём,
 по крайней мере избежим упадка
 и сохраним присутствие порядка:
 почуявши недоброе, восстали
 доселе молчаливые вассалы;
 захваченные прежде эмираты
 того гляди отколются обратно...

Так многое похоже здесь на нас —
 по сути, а не формой лиц и глаз.
 Зимой снег идет, как в Харбине,
 но слишком много градусов в вине.
 Душой и телом заняты сектанты.
 Работой исправляют арестантов.
 Хоть нет любви к цветам и старине,
 повсюду протянулись по стране
 заставы с гарнизонами на мили.
 И водку с рисом ставят на могиле —
 бесплатная подкормка для бродяг,
 что варят приبلудившихся собак.

Дороги плохи... Лозунги на зданьях.
 Драконы сохраняются в преданьях.
 Чиновникам присуще воровать,
 а лавочников тянет торговать,
 но всё же непонятный людям бес
 мешает сочетать им интерес...

Сановники у них отделены,
 как и у нас, подобием стены,
 и, коли дацзыбао тут не врут,
 давно в прекрасном будущем живут

Народ же их от дикости таков,
 что заживо съедают стариков
 и варварски насилуют детей.
 Кипенье этих низменных страстей
 Китай изведal в мрачные года
 гражданских войн:
 известно, что тогда
 разбой, чума и дикая резня
 настали потому, что вся возня
 у трона в Поднебесной довела
 страну до разорения дотла...

Когда я вновь на родину вернусь,
 с тобой вина ланьлиньского напьюсь,
 и если даже в деле прогорю –
 тебе рассказ подробный подарю. »

7.11.90.

Раны и травы

Чибисы прилетели...
Вот оно, мое чувство,
машет над пашней крыльями,
мечется над водой.
Поле уводит в пустошь
давней тропой разлуки.
Жерла мышиных норок
сохнут в траве седой.

Скоро...
Вода промчится,
вырастут листья клевера,
чибиcы станут истово
гнать от гнезда беду.
Словно овраги, высохнут
шрамы переболевшие
и зарастут забвением,
точно густой травой.

Но через год ожидаанно
снимет весна прикрытие,
и разольются по полю
воды поверх земли.
Снова кровотоечение
в ранах былых откроется.
Травы сжигают старые.
Краток, но горек дым.

В устье

Неужели вот эта вода
 кожу твою ласкала,
 трогала твою грудь?

И я - извини нахала -
 мечтал, что когда-нибудь...
 Видимо, никогда.

Река свои воды давно унесла,
 уплыли с ними и рыбы.
 Какие взаимоотношения
 у реки и весла? у руки и весла?
 Водяные мозоли и привкус соли,
 и воронки глубинного сна.
 И за это - спасибо.

Как найти мне песчинку,
 упавшую с твоего плеча?
 Где она - одна среди миллионов песчин?
 Коса песчаная как дорога - хрустяща и горяча
 и утоптана пятками сотен разных мужчин.

Я кормлю мальков
 и разговариваю с детьми
 бронзовыми, как индейцы.
 Они несут молоко и говорят: возьми!
 остается лишь взять,
 благодарить и надеяться.

1984

* * *

Отчего нам так хочется на острова?

Там совсем другая трава?

А может быть там иная вода,
омывающая едва?

Мычат и блеют в кустах стада.

Их пасет оводов орда.

Глаза животных библейски мудры,
когда в избытке еда.

Наши ноги босы, грязны, мокры.

Эти места — не Крым.

Нам только бы выбраться на острова,

а там — хоть не расти трава,

а там — хоть потоп...

Впрочем — стоп! Предъявите ваши права!

Снятся красивые острова,

где солнце тонет в кипящем море,

они покачиваются едва,

и целуются чьи-то зори.

Снятся банановые острова,

кокосы и попугай.

Сняться бы с якоря нам, братва,

из пушки луну пугая!

Снятся ленивые острова

и любовь под открытым небом.

Волны... Это идет караван

судов с аргентинским хлебом.

Дорога без людей

Дороги без людей — всё равно дороги.
Трудно сказать, куда они ведут,
но кроме языка у тебя есть ноги:
пойдешь — узнаешь. Куда-то, да придут.

Брат мой, прими дар моих странствий:
двести граммов грязи, пятьдесят - хвой,
облако пыли, трехмерное пространство
и реки времени — все они твои.

Я иду вверх по реке времени.
Пройду, сколько хватит сил, потом вернусь.
Берега времени усыпаны кремнями,
а вода струится спокойно, как грусть.

Время — нетелесный транспортер в одну сторону:
туда-сюда ходишь, а сам уже не здесь.
У меня был час счастья. Вот было бы здорово
подарить тебе... А, у тебя уже есть...

Дорога без людей не иссушает душу:
любовь прорывается, как грунтовая вода,
но жила иссякает. А было бы лучше,
если бы полной была всегда.

Материя вечна — куда она денется!
Но чем станет завтра соль наших идей?
Впереди нехоженная дорога. Но мы надеемся:
выведет к людям дорога без людей.

Листопад

С обратной стороны гриба пластинки
играют перламутром на свету —
точь-в-точь, как граммофонные пластинки
лучами радиальными цветут.

И что-то изменилось на знакомых
тропинках сбора фунтов ясака.
Замедленны движенья насекомых,
студеные толпятся облака.

Сентябрь тишиной взывает к разуму,
дав глазу доброту и остроту,
и мы законсервируемся на зиму,
и чувства терпкость вин приобретут.

Зима — как беспричинная размолвка
со всеми, кто сейчас с тобой на ты,
но в рыжиках еловая иголка
пробьет завалы снежной пресноты.

1984

* * *

Из осенней синей дымки
выпал на мое плечо,
словно желтая росинка,
паучок-крестовичок.
Как-то временно и криво
примостившись на руке,
пел он песню пилигрима
на безмолвном языке.

Это песенка, в которой
наступает новый век.
Это песенка о море,
высыхающем без рек.
Это песенка о ядах,
о копченых небесах,
о смертельных автострадах
в искалеченных лесах.

Паучок почистил крестик
и исчез в вечерней мгле.
А остались я и песня.
Но никто не верит мне.

1984

Конец бабьего лета

Как женщины запутавшейся взгляд,
застигнутой в пути осенним мраком,
так бабочки сентябрьские летят
стремительно, подстегнутые страхом.
А вскоре заполярные ветра
от крон оставят жалкие обрывки,
и, деньги рассовав под свитера,
торговцы покидают горе-рынки.

Озноб и безнадежность октября
воздействуют на тело. жмет и душу
предчувствие житухи воробья,
из-под стрехи глядящего наружу.

Добро ещё, в дома дают тепло,
хлеб с молоком пока не по талонам,
а утром дворник шаркает метлой,
служа своеобразным эталоном
для времени. Осенняя тоска
в селе - от городской - тоска в квадрате
окна, когда привычная доска
чернеет, как в кладбищенской ограде,
и тем напоминает о конце
не вовремя. Так свежие морщины
на милом, но измотанном лице
смятением испробуют мужчину.

1.10.89.

Можжевельник

Прости мне грехи, можжевельник,
бездонной тоской обними,
и духом своим беспредельным
грошовые дни прогони.

Прими меня в колкие руки
и прочностью веток держи
нагрузку привычной разлуки,
и тяжесть усталой души.

Забудем, реликтовый ежик,
про то, как бездарно я жил,
про то, как мой варварский ножик
кромсал твердосплав твоих жил.

Смолой своих ягодок синих
меня угости — и прости!
И, словно на камне спесивом,
в глазницах моих прорасти.

1985

Отдалённые острова

*Бабочкой никогда
он уж не станет. Напрасно дрожит
червяк на осеннем ветру.*

Басё

1.

Острова, где на флейте и кифаре
музы славили светлую Элладу,
где резвились друзья Анакреона
на пирах, улыбаясь свежей мысли,
и внимали их песням беззаботным
виноградом увенчанные горы,
в чьих пещерах таилась нимфа Эхо, —
острова, вы приснились или были?

Шум листвы и прибоя голос гулкий,
на ступенях мраморных подруги,
с нежным смехом втирающие масло...

То — обитель поэзии бездонной
в каждом бедном щипке усталой лиры —
полнофоновное, мудрое искусство
и любить, и стихи слагать без маски, —
острова, вы приснились или были?

2.

Дальний край, разъедаемый дождями
вперемежку с коростой льда и снега.
Умиравший день сменяют хмуρο
в мокром трауре плакальщицы-ночи.

Ветер воет в их голосе тоскливом,
меж зубов всё свистит да шепелявит;
то в окно кинет горсть сырого снега,
то по крыше холодным сыплет градом.

От огня пахнет старою тревогой
за людей, что об ужине мечтают,
за любовь, от которой дым да пепел,
да ожоги немногие остались.

Ты гори, мой огонь, насколько хватит,
обогрей этот остров теплой суши.
Острова нежной ночи, вы мне снились...
Вместо флейты лишь ветер дует в уши.

1985

* * *

Вот, окончился огородный сезон.
Клюквенный — тоже. Вдрызг газон
разворочен Ладами-Москвичами.
Долгими вымокшими ночами
сзади подкрадывается тоска,
плоская, как по спине доска...

Мужики, перейдя с пива на водку,
хватают кого попало за глотку.
Вот и я сижу — никуда не гожий,
с головой поникшей, с потухшей рожей.

Развернись, плечо богатырь-молодецкое,
плюнем-де, в небо ракетой плесецкою.
Но с неба, как ты его ни тарань,
опять свисает какая-то дрянь.

Сядь поближе. Подыши мне в ухо.
Подбодри тело — вместилище духа.

Обретаясь на Бог знает какой версте
я вспомню улыбку твою в темноте.

1996

Изотерма ноября

Температура градуса на два
поднимется, и рассветет едва,
но время не укажет, день ли, ночь...

На раму не приклеишь даже "скотч",
и ветер будет шторы шевелить,
и снег, попутно тающий, валить,
и съежится в отсутствие тепла
держава, разоренная дотла.

Давно уже алкают не стиха,
но жаренного в масле петуха
сограждане, чья будничная речь,
осевшая в ушах, наружу течь
стремится непременно по ночам.

Тяжелый головы своей кочан
спросонья подымаю, и в окне
мерцает свет, безрадостный вполне.

Температура градуса на три
опустится, и съёжится внутри
остаток романтического сна..

Не сразу скажешь, осень ли, весна —
всё серое, сырое. Сапогам
каюк приходит. Толпы по ногам
в троллейбусе проходят, и галдят
оравы пионеров-октябрят.

Дневной неугомонный бабий лай
под вечер довершит вороний грай,
гуано обронив на тротуар —
напрасный в нашем климате товар.

Вскипевший чайник согревает тьму,
и, видимо, благодаря ему,
остывшему, поднимется опять
температура градусов на пять.

2.10.89.

* * *

Хмель любви. Случайное пристанище.
Близится разлука. А пока
мы вдвоем не думаем, когда ещё
встретится с твоей моя рука.

Ветер странствий — ветер переменчивый.
Вьюга равнодушная близка.
И опять, как пропасть, между встречами
дни и ночи, ночи и тоска.

31.12.87.

* * *

Стекает дождик равномерный
по листьям вялых тополей.
Он успокаивает нервы,
и мы становимся смелей.

ничье нас мнение не тревожит,
ни треп, ни ложь, ни клевета.
Под этот дождик в нас, под кожей,
преобладает чистота.

Сейчас мы вместе, и, наверно,
уже меж нами нет границ.
Стекает дождик равномерный
с зеленых веток, как с ресниц.

1983

Компас

У меня есть странное свойство,
оно не дает мне спать.

Я слышу глухую поступь:

время идет вспять.

Утро приходит бешено
и ставит лицом к делам,
и тело мое подвержено
притяженью к другим телам.

Но, как бы я ни был выжат
челюстями машин,
мне помогает выжить
стремленье достичь вершин.

А может быть, это другое что-то -
то, что говорит словами моими,
то, что заставляет течь воду
по, казалось бы, плоской равнине...

И выходит, что я, как и все мы,
продвигаясь вперед, прохожу всегда мимо,
но вот, как компас, узнавший север,
я теряю веселье и становлюсь сильным,
сознавая, что нам предстоит прощаться
не у моря встреч, но в чаще разлуки,
и если ты ещё хочешь счастья,
поскорей возьми меня в руки!

15.05.87.

* * *

Темна вода под облачными сводами,
и зябко мне стоять на берегу.
В раздумьях над безропотными водами
я скудной жизни звуки стерегу.

Там, за рекой, народ, объятый склоками,
энергию направил в русло драк
Лишь кванты света бледными потоками
рассеивают мутный полумрак.

3.11.90.

Конец лета

Еще кузнечики трещат,
еще в окно влетают осы.
Но вот склоняет тихий взгляд
к новопреставленному осень.

Опять — заботы о тепле,
кормах, надоях неуклонных.
Подобно ведьминой метле,
нам планы путают циклоны.

Сырые крыши деревень
и зябко стынувшие кроны
обсиживают, что ни день,
все полноправнее вороны.

Вон полумертвый магазин
встречает затхлым отупеньем.
На дно объемистых корзин
грибков положим для соленья.

Так долго умирает край,
забытый выдуманным богом.
Зачем твердить "Не умирай"?
Ты грелся у него под боком.

Теперь уходит он. И ты
определенный промежуток
малопонятной суеты
пройдешь. И станет не до шуток.

2.09.89.

* * *

Коровы умиротворяют.
несет навозом и теплом.
Но хлев наводит на раздумья
о будущей судьбе телка.
А тот копытцем проверяет
фанерный ящик на излом.
Дыхание зима-колдуныя
собрала в каплях потолка.
Сквозь щель меж рамой и стеклом
течет её рука.

1984

* * *

Осеннее небо. Покатое поле.
 Вдохни этот ветер — скривись от боли.
 Пахали-пахали, растили-растили...
 Корней не оставили. Всё упростили:
 ни восхода, ни малой букашки, ни травки...
 Старались для плана, трудились для справки.
 Хватали, сажали, пытали, стреляли.
 Остались такие — глаза б не видали
 князьков, корольков, мафиози, пашей —
 дерьмо в оболочке от пят до ушей...

Колодцы заплеваны, храмы разбиты,
 раскопаны недра, дороги забыты.
 Могучие трубы, великие стройки.
 Отсутствие смысла. Ненужные строки.
 И олигофрены в кирзе, с автоматом
 толпе безоружных командуют матом.

Пора без свидетелей встать на колени
 и мыслью и сердцем коснуться Вселенной,
 и слабым усилием затоптанной воли
 просить это небо, горбатое поле...

Накрапывал дождик, несущий заразу.
 Вонми, Боже, гласу. Верни людям разум.

1989

* * *

Быстро гаснет горизонт горбатый.
Мокрый ветер гонит облака.
Омуты, куры и перекаты
преодолевают Юг-река.

Огоньки за шторами простыми.
Улицы туманами накрыв,
где-то за увалами лесными
дремлют Чухлома и Кологрив.

Здесь душа людей светлей и шире,
но и тяжелее камни дум.
Затерялись в отстающем мире
древние Ардатов и Уржум.

Шум листвы, дождя... А жить-то надо
и не там, где Невский иль Арбат,
и работать только за зарплату,
сознавая то, что виноват —

виноват, неся домой устало
боль свою в неброский, скудный быт,
тем, что ничего здесь не стояло:
не сгорит, так дождиком сгноит...

Спит неплодородная Россия.
На духовно вымученный мир
радиоволнами из эфира
катится чужой, столичный пир...

Поздно врать. В смятении душевном
истину мы гоним прочь с тоской.
В нашем состоянии плачевном
есть удобный метод жить — покой.

Плюнь на всё, и будет всё в порядке.
Скажут "соглашайся" — согласишься.
Скажут "лги" — старайся без оглядки,
и перед начальником прогнись.

Люди с твердокаменными лбами,
с волосатой лапой тут и там,
вас при жизни не тревожит память —
это вне заложенных программ.

Вы ещё поборетесь, меняя
способы обмана, маски лжи,
молодым растущим негодьям
торную дорогу проложив.

В радужных, но ненадежных красках
рисование мира вам с руки,
и недаром в ваших ветхих сказках
сплошь преуспевают дураки.

Дураку живется прихотливо:
весело глядеть в телезкран,
и любому умственному чтиву
он предпочитает ресторан.

Велика Россия. Много места
разводить на грядках дураков.
Есть для них жилища и невесты,
тьма автомобилей и станков.

... Горькие раздумья. Ночь ненастна.
Слушаю известья о войне,
и не сплю, а всё это напрасно
и ужасно потому вдвойне.

Старый мир всё тешится развратом,
опасаясь завтрашнего дня.
Ночь молчит, убийствами чревата,
и зачатием нового огня.

1986

Плавание

1.

Речка времени. У перевоза
толпа народа. Запах навоза,
фенола и прочих излишеств быта.
На той стороне, где баба с корытом
готовится выплеснуть на фиг младенца,
комиссия сморкается в полотенце,
принимая хлеб-соль на объекте.
Объект вырабатывает объедки.
Остатки как основной продукт
обеспечены должным качеством рук.

Головы, стоящие во главе,
имеют особый фарш в голове.
Поручик трудится в зале суда,
вводя туда, выводя сюда.

Госпремия вручена группе лиц,
внедривших многократный
                                          одноразовый шприц.
Кооператив "Вымогатель"
                                          предлагает услуги.
За поворотом народные слуги
задумывают новый коварный слух,
что нам и впредь не обойтись без слуг.

2.

На вёсла дружно налегая,
продвинем воду вдоль бортов.
Музыка бодрая играет
старинный марш "всегда готов".
Лениво моют трактористы
в реке железного коня.
Неспешно проплывает пристань,
верандой летнею маня.
Чего желать? По банке пива
да по сосиске бы в кругу.
Подъехать к девочкам красивым
и порезвиться на лугу.
На берегах сгребают сено,
пасутся тучные стада.
О, загорелые сирены,
куда бежите вы, куда?

3.

Помянем нас, на кой-то ляд рожденных
и мучаться рассудком обречённых.
Несть суета гордиться телом бренным,
поелику оно — для удобрений.
И здания, и лозунги ветшают.
Танцор неважный — тот, кому мешают.
Он трудности желает одолеть,
но прежде успевает околеть.
А нам опять расхлебывать. И яд
погубит нас. И нас же обвинят.

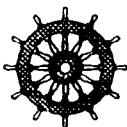
4.

Пихая руки в рваные карманы,
 нашаришь там не больше, чем всегда.
 Так на барханах гибнут караваны,
 которым снится чистая вода.
 И ничего не движется в крови,
 вобравшей лень ушедших поколений.
 Меня кусают злые муравьи,
 парализуя ядами сомнений.
 Наступит старый год — и, как и прежде,
 нас будут бить больней, чем в глаз и бровь.
 Но остается зыбкая надежда
 нечаянно наткнуться на любовь.

5.

Вот голова. На ней растут власы,
 топорщась на затылке хаотично.
 Вотще, поручик! Пробили часы:
 отныне ваш приятель эластичный
 поник головой и тупо смотрит вниз.
 Увы, таков удел для бранных, сирых.
 Что толку прозябать? С десяток виз
 оформить бы без трудностей ОВиРов,
 да на корабль, и — плыть, да пиво пить,
 обследовать неведомые земли
 и, мудрости предшественников внемля,
 построить дом и древо посадить.

1989

Критская легенда
(шуточная версия)

Во дворце у царя жил один архитектор.
 Был нездешний он родом и очень скучал.
 Жил он с сыном, работал, мечтал и нередко
 самодержцу с отставкой своей докучал:
 “— Государь-император, я грек небогатый,
 я-де сына женю да и внуков рожу,
 а за морем нам денег отваяют лопатой...
 Отпусти ты меня, Зевсом-богом прошу!”

Царь в ответ:

“— Да ты что! Чай мужик ещё крепкий,
 и умён, и умел — знай трудись себе тут!
 Подарю тебе лошадь и даже карету,
 или сыну протекцию дам в институт.”

Но Дедал-архитектор был ушлый пройдоха:
 он решил, что на Крите не климат ему,
 а вот в той же Италии очень неплохо...

“— Поплыву на плоту — так ещё утону...
 Эх, пошто я не птица! Взлетел бы я в небо,
 и — прощай ты, немытая наша страна!
 Чаю я, встретят там не одной солью с хлебом:
 макаронев дадут, мандаринов, вина...”

Втихаря “диссидент” стал ощипывать уток,
 перебил на помойках столичных ворон,
 даже в тёмное время критических суток
 жирным царским павлинам нанёс он урон.

Сын Икар между тем удил рыбу в заливе,
щупал девок-рабынь, упивался вином.
В это время Дедал конструировал крылья
и трудился неслышно, как маленький гном.

Сын Икар был довольно смыслённым подростком,
по ночам упражнялся в "метаньи копья".
А Дедал, перемазавшись перьями с воском,
конструировал крылья опять и опять.

Наконец, всё готово. Наевшись оливков,
старый мастер позвал своего сорванца
и сказал:

"— Улетаем, Икарушка, слышь-ка! —
Сын спокойно и молча взирал на отца."

"— Что ты, сын мой! Да разве не хочешь за море?
Иль тебе по нутру этот мир лесбиян?
Ведь подохнешь у них в нищете под забором!
Что молчишь? Отвечай! Заболел или пьян?
Я куплю тебе там итальянские джинсы,
колесницу "Фиат" — только будь молодцом!"

От таких обещаний башка закружится
у любого — и сын согласился с отцом.

Провели тренировки тайком от соседок,
и однажды, в лучах златокудрого Феба,
папа с сыном, из амфор хлебнув напоследок,
растворились в дали средиземного неба.

“-- Вот летят, вот летят! Отворите скорее ворота!”
 Во дворце у царя заряжают пращу.
 “-- Проворонили, сволочи! Всех к эшафоту!
 Архитектор, зараза! Вернись — всё прощу!”

Но напрасно орал на молу император,
 подражая ораторам древних Афин.
 Заходя восходящему солнцу в кильватер,
 на волнах белобрюхий резвился дельфин.

Между тем беглецы знай махали крылами,
 оба с крейсерской скоростью мчались вперёд,
 ощущая себя королями, орлами,
 резиряющими пешеходный народ.

Крылья машут, и ветер к тому же попутный.
 Папа сыну кричит: “Не робей, мол, держись!”
 Но, устав от полёта, сынуля беспутный
 про себя опасался: “Не рухнуть бы вниз...”

Умудрённый Дедал дал инструкцию сыну
 наипаче блюсти потолок высоты:
 коли солнце нагреет крыло слишком сильно,
 то отвалятся напрочь павлиньи хвосты.

Но Икар, неразумный в делах инженерных,
 полагал осторожность привычкой рабов,
 наставленья — уделом жрецов лицемерных,
 а желание жить — суетой дураков.

И тогда он дерзнул, как последний мальчишка:
отклонился от курса и в море упал.
Эту глупую смерть в исторических книжках
в виде подвига некий осёл описал.

А Дедал дотянул-таки с помощью божьей
до Сицилии. Один. Хоть в могилу ложись!
Сердце кровью его обливалось. Так что же --
только этим и занято сердце всю жизнь!

Крепко запил Дедал на желанной чужбине,
бил себя кулаком, слёзы горькие лил,
всем твердил о кончине несчастного сына
и в порту Сиракуз подаянье просил.

Так и жил он, безвестный, скитаясь без дела,
тосковал втихаря о былых временах,
толковал о гоненьях на Крите на белых
и о том, что свобода у них -- криминал...

Такова вот судьба инженера Дедала,
сын которого глупо себя погубил.
Стал он грязен и нищ, и под сенью платана,
в тишине, до скончания дней брагу пил.

апрель 1984

Скифия

Да, скифы мы, да, азиаты мы...

А.Блок

Мне снился сон.
Он был хороший.
Я обнял сына и жену.
Моя приземистая лошадь
ушами ловит тишину.

В степи толпятся легионы,
и с визгом катится орда.
Но за Дунаем и за Доном
не нами начата вражда!

Мечи наточены и пики.
Свкозь рёв
испуганных коров
слышны ликующие крики
поживу чующих орлов.

Навстречу дыму — ураганом.
Поводья сжаты в кулаках.
Мелькают серые курганы
и — скифы в пыльных колпаках.

Меч самурая в углу сарая
(средне-восточный цикл)

Предварительное замечание

Хоку и танка
из танка
на озере Ханка* -
словно сухие останки
в песках возле Ханко**.

Старое место

Я вдруг услышал
шорох жёлтых листьев.
Осенний тополь...

Мальчишками
мы лазили на верхнюю развилку
и прыгали в песок.

Смотрю на ветви,
позабывшие давно.
Устала шея.

---

* Конфликт с восточным соседом 1938-45

** Конфликт с северным соседом 1939-44

Похолодание

Что за месяц такой — снова дождь...
 Сырость ломит суставы. Отсюда
 я не в силах уйти никуда.
 Бодро в печке поленья трещат,
 но один я никак не согреюсь.

Влажная медитация

Падает, падает снег.
 Я в одиночку выпил
 литр сухого вина.
 Люблю вспоминать бывшее
 зимними вечерами.

Совет юной гейше

Пламя моей юности
 присыпал пепел чужих пепелищ.
 Закрой глаза и раздуй его.

Трозрение

Ещё ребёнком
я страшно боялся жить.
А теперь не боюсь
ни жизни, ни смерти.
Какая разница?..

Ценность сосуда - в пустоте его

Прости, старуха, дырку калачу:
лишь сильным духом
дырка по плечу.

Нечаянная встреча

Твоё тело — прекрасный кувшин,
полный терпких, задумчивых вин.
Нынче вместо закуски к вину —
тишина. К обнажённой груди
я щекою колючей прильну.

Мирная хижина

Мерная поступь часов.
Женщина ужин готовит.
Счастье вошло в привычку.
Плохо ли, если оно
в каждой минуте покоя?

Прощание с друзьями

Уже с утра я стану вспоминать
о нашем славном вечере за кружкой,
и это будет греть меня в походе.

Неясный диск луны над серым полем

Из воздуха искрящимся свеченьем
соткалась изморозь.
И сухо пулемёт
на варваров, спешащих в наступленье
очередями чёткими плюёт.

Тёмной ветреной ночью

Уже в который раз проходит осень,
но остаётся привкус на губах:
ты всё ещё со мной, моя печаль...

На стройке века

В ущельях
динамитом рвут утёсы
и сваливают в реки. Красоты,
что прежде поражала, не увидишь
любимая, теперь уж никогда.

Принимая гостью

В моём дому
осталось два сюжета.
И то, смотри: какая нищета:
разлука и печаль...
Прости мне это.

Испытание рисовой водкой

Есть особая прелесть —
 предаваться порокам:
 лишь ханжа, не изведав, соблазны хулит.
 Тот мудрец, кто когда-то побывал за порогом,
 но вернулся обратно — и душа не болит.

Что-то появилось

Среди зимы вдруг снова забродило
 прокисшее, казалось бы, вино...
 Поверишь ли, я словно стал моложе!

Эпilog

Не красавица (румяна и сурьма),
 а Красавино*, где пьяных — как дерьма.
 Ляг на лавку,
 плюй прицельно в потолок.
 Вот и славный получился эпилог.

1983-96

---

* Не городок в Вологодской обл., а вымышленное место

* * *

Приблизительно в час вечерней дойки
через город путь пролегал,
и странно

было видеть со стороны
суету неподвижных кранов
над руинами недостройки.

Благодетельной старины
кое-где было тоже немало,
и гибрид помойки с каналом
содержал не только отходы,
но ещё и зелёную воду.

На воде плавали утки,
а по небу плыли тучки.

Кукла

с глазами лесной незабудки
к небу тянула ручки.

Во рту уж давно ни крошки.
Скоро протянем ножки.

9.03.89.

* * *

Под воздействием быстрой воды
разрушаются камни и льды.

Вот и время — течет и течет
проводя многомерный подсчет
наших радостей, болей, обид,
и соленою влагой кропит.

Заблуждаясь насчет естества,
продвигаемся мимо любви.
Не стремясь становиться людьми,
мы — рабы, короли, — существа,
для которых величие "Я"
заслоняет черты бытия.

Надо пить, чтобы ясно трезветь,
надо бить, чтобы скорбно терпеть;
одинокчество — казнь и покой,
трепет сердца под чьей-то рукой.

Все течет. Не уйти никуда.
Настигает слепая вода.

16.10.86.

Испытание на прочность

Резерв времени,   как и семени,
имеет предел: до поры, до времени...
В юности,   когда всего вдоволь,
Ты гладкокож,   как молодой тополь.

Внушаемый   угрюмыми учителями застоя,
давно ощутивший,   что всё — пустое,
и работа —   не способ прожить достойно,
изучаешь приём "Чань-Э отступает в сторону".

Выбор машин по признаку дешевизны —
не признак зрелого отношения к жизни.
Политическая активность трёх лет Перестройки
смахивает на вспышку массового онанизма.

Поглощение алкоголя, музыки и прочих
ядов и удовольствий испытывает на прочность
состояние и готовность органов и систем тела,
подобно проверке (перед тем, как взлетел он)
корабля, предназначенного вывести на орбиту
очередной искусственный спутник Планиды.

8.04.89.

Плавание осенью

1.

Вот и не стало стрекоз и мошек
над рекою. По поводу крошек,
упавших в воду от бутерброда,
стая мелкого рыбьего сброда
устраивает возню.

Сгнив на корню,
деревья падают при дуновении
сильного ветра. Через мгновение
после того, как причалим к берегу,
мало напоминающему Америку
(и слава Богу, ибо дикое состояние
и от власти приличное расстояние
милее русскому духу) — так вот,
проплыв по унылому руслу вод,
всходим здесь на унылый взгорок
где-то там расположен Город.

Город окружен пустырями и свалками.
Традиционно орудя палками,
старухи, в лавку за хлебом стремясь,
преодолевают топкую грязь.

Остовы брошенных механизмов
в колхозе "Путь к социализму"
свидетельствуют о битве с природой.
Кто победил - потом обнародуют.
Рой мужиков с пьяными мордами,
обликом схожих весьма с уродами,
преграждает путь любому идущему.
Город обложен тяжкими тучами
перегара, курева, выхлопных газов,
дыма, сплетен и прочих миазмов.

Купим в лавке сдобную булку
и с булкой во рту совершим прогулку.

2.

Осень.

Эмиссия подмоченных денег,
неотличимых на вид от поддельных.

Дождь.

Обдавая прохожих грязью,
транспорт тащится по покрытым вязью
мазутных пятен огромным лужам.

Холод.

Очереди внушают ужас
неискушенному в них любителю
и не дают ему стать потребителем.
Это и правильно — влияние Запада...
Обжегшись, как правило дуют на воду.
Ветер.

К собственной перистальтике
внимания менее, чем к Прибалтике.
Кулаки чешутся у тульских механиков,
уверенных, что самоваров и пряников
не хватает из-за паразитизма
нац.меньшинств. До идиотизма
доведенная пресса ищет пришельцев
или врагов. Эндокринные железы
меж тем приходят в упадок от пищи,
воды и воздуха. С каждой тысячей
погибших гектаров родного леса
ускоряем шаги по пути регресса.
Купим за бревна компьютеры, видео.
Денег будет — видимо? Невидимо?
Невидимо. На рассвете мухи осенние
радостно лапки трут в предвкушении
сала, выпирающего из пор носа
мирно посапывающего — барбоса? —
нет, хозяина, ибо пес

имеет менее неопрятный нос.

3.

Унылые старушки с унылыми глазами
 унылые цветочки уныло продают.
 Веселые подружки с цветными волосами
 веселые денечки желающим дают.
 Отчаливаем. Это — не наше утешенье
 спокойного рассвета унылое крушение.
 Зараза беспредельной тоски и озверенья
 в безверии постельном предшествует старению.
 И зубы на пределе, и в голове помойка.
 Охотники при деле, чтоб не дремали волки.
 Давай стишок напишем и песенку споем.
 Никто нас не услышит. Как будто не живем.

4.

Стакан водки. Черный хлеб с огурцом.
 Тронулась лодка. Песню поем с гребцом.
 Другой берег. Холодно — аж трясет.
 Найдём бабку, которая нам плеснет.

В плавании этом станем навек дружны,
 так что и не нужно тех, кому мы не нужны.
 На ночь пустят. "Откуда?" Скажем: издалека.
 Утром — сортир, простуда. Баночка молока.

Сядем на поезд молча,
 молча с него сойдем.
 Руки пожмем, и, морщась,
 расстанемся под дождем.

31.08.89.

Улица в пол-третьего

*"Если же ты не будешь бодрствовать,
то Я найду на тебя, как тать,
и ты не узнаешь, в который час..."*

Отк. 3,3

Томление духа. Сумерки умов.
По городу, лишённому просторов,
бреду я мимо каменных домов
и деревянных крашенных заборов.

И думаю.

А ветер шевелит
листами, что срываются вдогонку,
но — падают.

И всё ещё не спит
народ:

кто разливает самогонку,
кто к телику приник, а кто лежит
с подругой на расшатанном диване,
а кто-то самокрутку анаши
прикончил и блаженствует в нирване.

А может где-то столик с кофейком
стоит под перекрёстным разговором
мыслителей, и рюмки с коньяком
глядят на них с печалью и укором.

Вот окна одиноких:

кто-то чай

заваривает.

Кто-то — помирает.

Кого-то осенила невзначай
идея.

Или яростно бросает
окурок в унитаз, и спать невмочь:
рассвет придёт,

но ужас в том,

что ночь

наступит неизбежная опять

(Писание гласит: "найду, как тать")...

Бессонные мои,

я вас люблю.

Панельки и кирпичные хрущёвки
мне служат маяком, когда не сплю
и слышу,

как упорно, без ночёвки
на юг стремятся гуси в темноте.

Шаги мои отбрасывают тень,
да листья всё отчётливей шуршат,
и провода над улицей дрожат.

7.10.90.

В Ленин-граде-городе

Отравленный выхлоп машин и заводов -
 любить ли нам это, жалеть ли? Болото,
 приют комаров и убогих чухонцев...
 Когда-то в Европу открытый оконцем,
 а ныне, изгаженный тьмой пятилеток,
 столица аморфной империи, предок
 поэтов, мыслителей, гадов и пьяниц,
 валютным дождём отмывающий глянец...
 Былое уже не вернёшь, как и думы.
 Жилища убогих особо угрюмы.
 Ты здесь обитала, воюя с клопами,
 щербатый асфальт попирая стопами.
 Был трудный процесс освоения речи,
 приезд незнакомца, свидания, встречи...
 Рукою в руке и устами в уста
 на узких кроватях два белых листа,
 два бледных цветка из неярких широт,
 втянувшихся в радостный круговорот.
 Ты учишь меня осязанию любви.
 Возлюбленным, братом меня назови,
 зайчонком, лягушкой - сплетение рук
 и радость сердец прежде мрака разлук
 возводят нас в храмы блаженства, добра...
 Покинем сей город, однако. Пора.

8.03.89.

* * *

На Пестеля есть винный магазин.
Кондитерский — напротив. Жгли бензин
машины, вырываясь на Литейный.
Вино и шоколад.

Азарт питейный
в те дни слегка угас.
На этот раз
я покупал армянское вино,
и наши встречи праздновали мы
в конце мокропогодистой зимы.

А утром в приоткрытое окно
звон колокола плыл. Над Петербургом
по-прежнему толпились облака,
и черная могучая река
вбирала шелуху, мазут, окурки,
остатки человеческих надежд.
Под теплым одеялом без одежд
тепло, но неизбежное прощанье
свой холод нагнетало беспощадный.

Тебя твой поезд к дому подвезет,
когда я буду все еще бездомным.
В России расстояния огромней
и время утомительней ползет...

Огородный натюрморт

В эпоху продовольственных проблем
и находясь в химической осаде,
чтоб не попасть в зависимость (иль плен),
мы овощи выращивали сами.

На свалке рядом вечно жгли костры
из дров, рогов, костей, бумаг и тряпок.
Огонь и дым - забава детворы,
а пепел был для удобренья грядок.

Ещё темнела серая земля.
Млел вечер. Соловьиные рулады
из рожи на зелёные поля
текли. Я брал ведёрко и лопату,

среди проволочных ржавых вензелей
передвигая грязные кроссовки,
и попадались в розовой золе
обугленные божии коровки.

1989

Размышления в полнолуние

Гляди на полновесную луну:
коварный магнетизм её глобальный
не позволяет отойти ко сну
с улыбкою не менее печальной,
чем мыслей рой
той лунною порой,
и мысли эти пляшут комарами -
ни хлопнуть, ни прогнать.

Припавши к раме,
не увлекись известною игрой
"быть-иль-не-быть".

Ответ уже понятен
без поиска его в фигурах пятен
на Солнце и Луне.

Зелёный мох,
когда-то на халат вползавший, сдох.
Смертелен
каждый выполненный вдох,
другими без возврата взятый в долг
и бестоварным векселем покрытый.
Всё - суета у скудного корыта.

В углу, как паучок, сухую шкурку
оставь - и прочь беги.

Когда не в шутку
разгневанный хозяин, близорук,
по шкурке навернёт газетой "Правда",
мы будем в безопасности, мой друг.
Свобода без опасности - отрада,
которой мы с рожденья лишены
как чистых вод, плодов и тишины -
торжественной, живой, а не могильной.
Погибший под пятой автомобильной,
зайчонок попадает прямо в рай.
А мы - куда?

Луна уже за край
доступной глазу области уходит.
При правильных заботе и уходе
и свиньи обретают интеллект.
А ты, наоборот, с течением лет
всё боле наблюдаешь у кормушек
устойчивый прирост
голодных хрюшек.

Южный ветер в краю северных рек

Ветер весны.   Край Диких Гусей.
Река Тихой Воды   вышла из берегов.
Землю рыхлю.   Навещаю старых друзей.
Смотрю на цветы.   Слагаю строки стихов.

Ветер разлук   душу уносит вдаль.
Путь в тысячу вёрст —   за реки, холмы, поля.
В радостный цвет   красят мою печаль
серьги берёз,   цветущие тополя...

Вот и прошли   сорок весенних дней.
С нежных стеблей   до колен брызжет роса.
Пью из реки   вечером Длинных Теней.
Лежу на земле,   слушаю птиц голоса.

В чашке толку   свежий зелёный лук.
Кувшин молока   наливаю без суеты.
Мир и любовь   ожидают тебя здесь, друг.
Только река,   ветер, луна   и цветы.

25.01.87.

Ливень

Дожди!
Раствори меня, смой.
Я хочу притвориться водой,
впитать в себя
запах лесной
и привкус
ручья торфяного.
Пусть меня травят хлоркой,
фильтруют снова и снова, —
водопроводные норки,
шершавые
ржавые
трубы,
питающие твои губы,
отыщу в лабиринте адском.
Блуждаю в системе братской,
служу поддержанию
чьих-то душ,
жаждущих утоляю мечты.
Но мне нужен
лишь тот душ,
под которым стоишь
ты.

И когда доберусь, почти бессилен,
разбавленный, пресный, как Байкал
(не напиток, а озеро), и сковзь сито
растекусь по изгибам твоих лекал,
ты вздрогнешь, но не поймёшь, откуда
сила, вызвавшая озноб,
и ток вихревой от шеи до стоп
(гранёная парфюмерная посуда
вспотеет
и в зеркале матовом
не отразится.)

Несомненно ты станешь чище
от моей любви. И нежнее...
Дырка в ванне журчит и свищет.
Утекаю — куда уж смешнее...

Раствори меня, мощный дождь!
Я хочу любить её так.
Что ты хлещесть зря, что ты ждёшь,
по глазам выбивая, так?..

1983

Волна в пустоте

Ночь.
Тишина
устремляется в небо стеной,
словно волна,
переставшая бегать за мной.

Шорохов нет.
Замирает на гребне волны
матовый свет,
отражённый от пыльной луны.

Запахов нет.
Перестали порхать мотыльки.
Лёгкий туман
поглощает долину реки.
Славной отвагою
дышат цветы и кусты.
Плавно бежит моё время
во тьме пустоты.

1996

После окончания института

Белый мох пружинит под ладонью.
Там, внизу, играют стаи рыб.
Влагой ночь заволокла раздолье.
Быстро куча хвороста горит.

Стонут совы. Бабочки летают.
Ночь умеет слушать и смотреть.
Вот дорога, - долгая такая, -
незаметно пройдена на треть.

Мимо тенью пролетает время,
ветки возгонятся во мглу,
и уносит воздух обгорелый
тлеющую лёгкую золу.

1985

Под небом безгрешным

Вот я снова иду
по знакомым безлюдным просёлкам,
чужёстранец ночей, одержимый читатель следов.
Этот пыльный подъём остаётся таким же высоким,
эти лужи задёрнул такой же коварный ледок.

Пару вёсен назад
я был добрый, ранимый, наивный.
Мне теперь хорошо, потому что иду не спеша.
Тело девы прекрасно, колени красивы — но ивы,
это ивы родные: без них не живая душа.

Утешенье — себя осознать
материалом пространства,
предназначенным для мимолётного мига Земли.
И когда грянет смерть — это значит:
пора собираться,
и мерцают огни в нахлобученной наспех дали.

В многословной броне
не почуешь дыхание Кармы,
ветер времени не переменит на розе шипы.
И не бред на лице вологодского брэнного парня —
это лишь отпечаток невидимой миру стопы.

1984

Сказки-присказки

Идёт бычок, качается
по мясокомбинату,
и молча удивляется
упавшему собрату.
Потом и он, разделанный,
покроется как миленький
морозом переменным
в огромном холодильнике.

А в магазинах, в лавках
за мясом расфасованным
суета и давка
на полах бетонных.
Эх, раз да ещё раз,
и вам понравится у нас!

В столицах шум, гремят витии,
на вокзалах толкотня,
молодые и седые
грабят среди бела дня.
Грабят профессионально
и не отходя от касс,
ибо кодекс им моральный
с уголовным - не указ.

Продают и покупают,
деньги водят хоровод.
Что за кузница такая
эти денежки куёт...
Во кузнице удалые кузнецы
знай печатают - такие молодцы!

Бетон ступеней крошится
задами и ботинками.
Подмигивают рожицы
туземными инстинктами.
Перед глазами попочки,
затянутые в джинсы,
наполнены как стопочки,
градусами жизни.

Ну, это дело мне по силе,
да чегой-то жалко сил...
Без меня меня женили:
я за пивом уходил.

По реке плывёт топор.
Его подвергли критике:
бросил вызов, новотор,
современной физике!

Жили-были дед да баба,
да подали на развод:
бабе новый веник надо,
ну а деду - девок взвод!

Комета скоро пролетит
на близком расстоянии
и несомненно навредит
благосостоянию.

Аты-баты: шли солдаты.
Вот и всё. Пока, робята!

Серые птицы, летучее племя,
я понимаю, что я заболею,
я понимаю, что должен идти
к людям масштаба один-к-десяти.
Да, я согласен, что годы пропали,
и несомненно, что я ненормален,
а потому одного не пойму:
чем это плохо - один-к-одному?

Вот я сижу, а немного правей
в поисках пищи бежит муравей.
Я для него - механический враг,
он не боится меня. Не до драк,
о, муравей! Уступлю тебе путь.
Скоро наступит вечерняя жуть.
Молча деревья уходят из дня
не замечая меня.

Спелый август

Что прошло — того нельзя исправить.
Будущего — не предугадать.
Изредка услужливая память
воскресит былую благодать.

Были простоваты и незрелы
наши мысли, жесты и слова,
и с такой поспешностью дурела
от прикосновенья голова...

Это всё забудется с годами —
тихая вечерняя река,
бархатный закат за облаками,
тонкая несмелая рука.

Пряный запах водорослей, сена —
всё как прежде. Лишь не мы с тобой.
К белому прохладному колену
не прильнуть шершавою губой.

Солнце в речку смотрится, сверкая.
Над водой рискует стрекоза,
и следят за ней из зазеркалья
окуней холодные глаза.

* * *

Каждый год всё короче лето,
быстротечней пора цветов.

Свежесть воздуха на рассвете
и паденье сухих листов,
и картошка в кустах у поля,
и телята в сырой грязи.
Это - осень. Такая доля:
отдохни - и опять вези.

Мухи сдохли. Трава завяла.
Штабеля берёзовых дров.
Тленный запах. Пора развала.
Как разбойники у костров,
пересказываем истории,
подкрепляя слова вином.

А за нами - время, которое
манит крепким, надёжным сном.

30.10.90.

* * *

Дай руку мне,
дай несколько чистых слов -
так много стен,
так много прямых углов,
что хочется кривизны,
как жгучих лучей весны,
и небо в окне
войдёт в наши дни и сны.

Сюда не придут
садисты и палачи.
Останемся тут,
подумаем, помолчим;
быть может,
найдем покой
за чистой большой рекой
на время, пока
течёт по земле река.

1987

* * *

Когда ты приедешь,
будет снег или дождь,
день или ночь,
осень или весна.
Полгода я жду,
когда ты сюда придёшь,
и время течёт
в чёрный сосуд без дна.

Что в имени мне
или в твоих глазах? -
увы, ни тепла,
ни охлажденья нет;
ни шагу вперёд,
ни отступить назад.
Но мне светло,
когда ты выключишь свет.

8.04.87.

Одни

Он чем-то взволнован;
она принесла апельсины --
и кормят друг друга,
а нежность растёт исподволь,
и вот уже снова
в душе пробуждаются с силой
сбивающий с круга
огонь, упоенье и боль...

Сплели языки и играют,
а руки не дремлют,
бегут по плечам, замирают,
за волосы треплют,
и лилию-грудь осмелевшие пальцы сжимают,
и токи хмельные в шумящей крови оживают.
И вот лишь немного стыдливых лоскутиков ткани
настойчиво он раздвигает слепыми руками.

В объятья скользнула --
и тесно сплетённым рукам;
и -- град поцелуев,
шутливый укус у пупка,
и губы горячие стеблю раскрыты навстречу,
и время исчезло, и сердце лишилось границ.

Устами прильнул он
к манящим и терпким вратам,
и чутким концом языка
нежит трепетный жемчуг,
сокровище чресел
под кольцами скрытых ресниц.

Сколь линия ног
безупречна в желающей пляске,
в магической дрожи...
И, грудь прижимая к груди,
сливают дыханье
в восторге томительной ласки,
но жажду — о Боже —
ничем уже не укротить.

На влажных плодах совершенства темнеют соски.
И бёдрами бёдра объаты, зажаты в тиски,
и пальцы на коже плетут непонятный узор,
и звёздами счастья искрится сияющий взор.
И, гибкую, он подымает на тёплую грудь
и нежную плоть устремляет в невидимый путь,
и, словно волна,
она станом играет едва,
то губы кусает,
то нежные шепчет слова...

...И вскрикнет она.
И взлетят над его поясницей
два белых колена —
как два нераскрытых крыла.
И, словно луна,
под усталой рукой ягодица.
Желанного плена
достигла тугая стрела...

* * *

“Хризантемы в саду...”

    Это ложь: никаких хризантем,
 ни луны,
     ни вина, ни тепла:
         незапятнанный снег...
 Сохрани себя так,
     чтобы мрак
         из-за окон и стен
 не коснулся
     проказным дыханьем
         измученных век.

Спи!

    Забудь, что такое вражда,
         отвращенье, тоска,
 не смотри на меня
     в час, когда я слепой и убогий,
 не узнай,
     как железными палками
         бьют по мозгам
 облечённые властью жрецы
     и безмолвствуют боги.

Я огонь разожгу,
я согрею магический чай;
чтоб тебя оживил
этот жидкий и пресный напиток,
я возьму своё сердце
и светлую выжму печаль,
а остаток его
заверну в поэтический свиток.

Ты проснёшься,
увидишь,
как холоден я и жесток,
ты возьмёшь свою чашу
и, выпив до дна,
улыбнёшься.

Я напому тебе,
что зарёй коронован восток,
ты уйдёшь на восток
и уже никогда
не вернёшься.

12.01.87.

Искушение ветром

Зелёными каплями блещет листва
на обочинах влажных дорог.
Странник, который не помнит родства,
входит на мой порог.

Я подаю ему чашку с едой.
На террасе он ест и молчит,
а над его головой седой
птенчик в гнезде кричит.

Птенчик зовёт ласточку-мать,
а путник свой посох берёт:
ему до сих пор некого звать,
и он снова в горы бредёт.

Он ищет в мире за годом год
родину или дом,
но боль бездолья в глазах живёт
и плачет с открытым ртом.

Он бродит, потерянный для себя,
измучен заботой забот,
о необретеньи родства скорбя,
и никто его не зовёт.

Но тайна тихо сочится в дверь,
когда его уже нет,
и лунной ночью, как тёмный зверь,
я смотрю на нетвёрдый след.

Сжимает горло подспудный стон
при взгляде в звёздную даль.
Громада мира, где бродит он,
струит на землю печаль.

И дома ли я в этой хижине сплю,
или просто в гостях на миг?
Родные ли мне, кого я люблю?
Чужой ли мне этот старик?

И, грустью смущён, я рассеянно лгу,
отставляя туфли к стене,
своим родным о росе на лугу,
сверкающей при луне.

Цветы абрикоса приносит в мой дом
жена, легконогая лань...
Но время идёт своим чередом
в прозрачной провинции Тянь*.

1985

---

* Тянь = небо (кит.)

* * *

Утихло всё. Уснули птицы,
оцепенел речной прибой.
Лишь комарихи вереницей
стремятся овладеть тобой.

Ещё помедли в этой влаге,
вдохни уверенный покой,
что наполняет и овраги,
и душу, щедрою рукой
нам отмеряя белой ночи,
чей перепончатый рассвет
не разделяет, не пророчит
и не навязывает бред.

Лишь затяжная тишина
прижмётся к неподвижным травам.
Река в себя погружена
и очарована отравой
сырых прохладных берегов,
узором сосен на угорах,
туманом пастбищ и лугов
и доцветающих черёмух...

Страна заходящего солнца

1.

Рождества кануны. Зима на Балтике
не приходит сразу. Тепло Атлантики
поливает берег дождём и снегом.
На поток машин, увлечённых бегом,
на витрины лавок, коттеджи модные
налипает слякоть, слегка кислотная.

В "Европейском доме", где флаг со звёздами,
без эки в кармане, расставшись с гнёздами,
ходят-бродят толпы с детьми, с баулами.
Окружив окраины караулами,
о судьбе отечества мысля, граждане
увлеклись стрельбой и ночными стражами.

2.

Каждый год обороты торговли падают:
спад, депрессия. Глаз не радуют
объявления в окнах: "сдаём в аренду".
"Занимайте деньги!" - мелькают букочки.
Это в банке шутят - а нам до луковки...

Обращаю взоры назад, к востоку,
к своему и их, так сказать, истоку:
говорят, давно, в глубине Сибири
наши предки лосей и медведей били.
(А совсем недавно, гласит наука,
в речке Волге даже была севрюга...)

3.

На столе бумага красивой пачкою.
 Кабы знать, зачем я бумагу пачкаю...
 Коль умел - по-китайски писал бы фразу
 иероглифов вязью, приятной глазу,
 что похожа колонками знаков многих
 на страницу из "Мира членистоногих".

Как поэт Поднебесной в глубокой древности,
 так и ныне японец в своей потребности
 созерцать красу не питает ревности
 ни к цикаде, грушу обнявшей лапками,
 ни к осе, уплетающей в вазе сладкое,
 ни к речному крабу, на "Ж" похожему.
 Добрый вечер и мир вам, создання Божии!

Изо всех животных ракообразные,
 пауки, жуки и букашки разные
 составляют 80 процентов фауны.
 Можно лечь на доски натопленной сауны,
 дать покой несчастным хрящам позвоночника,
 и глядеть, как свечка, служа источником
 колебаний света, на лавке корчится...

1992

* * *

Ветер давит стекло снаружи,
осторожно, как вор, скользит.
Ты не знаешь, что ему нужно?
Дует, свищет, сквозит...

Положи свою прохладную руку
на мой костлявый горячий лоб.
Твоё бедро горячо и упруго,
и сердце входит в галоп.

Твоё тепло для меня лекарство,
когда усталость в венах ползёт.
В нашем маленьком государстве
мы пьём друг друга, как мёд из сот.

Что с тобой? Чего ты боишься?
Или я бредил сегодня вслух?
Ты мне часто, милая снишься
в ночи длинных немых разлук.

А ветер в стёкла дышит натужно,
в дверь потаённо стучит, как тать.
Вот опять... Чего ему нужно?
Он не даст нам спокойно спать.

* * *

Четвёртый разменяв десяток
и умудрясь не стать тупицей,
размешиваю снег и слякоть
продрогшей северной столицы.

Топчу окурки в снежной каше
перед приходом электрички,
скользящей на листе опавшей.
Суровый ветер гасит спички.

В фснарном свете бледны лица,
а тени вялы и нелепы.
Нет повода остановиться
и оглядеться - с кем и где ты?

Убить и час, и три в вагоне
в молчании и безразличьи.
Холодный ветер нас догонит.
Суровый климат нас разыщет.

Теперь недели пролетают.
А было - и часы тянулись...
...И я всё реже вспоминаю
о тех, с кем странно разминулись.

* * *

На первый взгляд на родине пока
так многое знакомо и похоже
на прежнее - и дым, и облака,
и снежная колючая пороша.

Всё прежнее: и немощь старика,
и боль утрат, и смутная тревога.
Всё те же выюги. Времени река
извилиста, длина. И неглубоко,
под снегом, подо льдом её вода.
В ней свежий запах пороха и грязи.
Восточный ветер тронет провода,
добавит на стекло узорной вязи.

В избе тепло. Под крышею и снегом
не рвёмся к чудесам и новизне,
испытанным бревёнчатым ковчегом
причаливая к радостной весне.

1996

Наutilus

Было время, пора
благословенных встреч.
Сон не шёл до утра,
переплеталась речь.

Роза плыла тепла
вдоль шеи, руки...
Соприкасались тела,
смешивались языки.

Прошло несколько лет.
Выветрился, остыл
твой невесомый след
в хитросплетеньях жил.

Путь среди серых морей
холоден и далёк.
Память меня мудрей.
Ты в ней - как уголёк.

Палтус, морской конёк,
водоросли - не в счёт.
В памяти уголёк
греет меня ещё...

Воздух сырой глотни, -
дождик ли? Пот? Слеза?
Время не сохранит
искры в твоих глазах.

Память переживёт
слабой природы плоть.
И неспроста ведёт
за руку нас Господь.

1996

Раны и травы.....	41
В устье	42
Отчего нам так хочется на острова	43
Дорога без людей.....	44
Листопад.....	45
Из осенней синей дымки	46
Конец бабьего лета	47
Можжевельник.....	48
Отдалённые острова.....	50
Вот, окончился огородный сезон.	52
я вспомню улыбку твою в темноте.	52
Изотерма ноября.....	53
Хмель любви. Случайное пристанище.....	55
Стекает дождик равномерный	56
Компас	57
Темна вода под облачными сводами.....	58
Конец лета.....	59
Коровы умиротворяют.....	60
Осеннее небо. Покатое поле.	61
Быстро гаснет горизонт горбатый.....	62
Плавание	65
Критская легенда.....	68
Скифия.....	72
Меч самурая в углу сарая	74
Приблизительно в час вечерней дойки	80
Под воздействием быстрой воды	81
Испытание на прочность.....	82
Плавание осенью	83
Улица в пол-третьего	86
В Ленин-граде-городе	88
На Пестеля есть винный магазин.	89

Огородный натюрморт	90
Размышления в полнолуние.....	91
Южный ветер в краю северных рек.....	94
Ливень	95
Волна в пустоте.....	97
После окончания института	98
Под небом безгрешным	99
Сказки-присказки	100
1 : 1	102
Спелый август	103
Каждый год всё короче лето	104
Дай руку мне	105
Когда ты приедешь.....	106
Одни.....	107
“Хризантемы в саду...”	109
Искушение ветром.....	111
Утихло всё. Уснули птицы.....	113
Страна заходящего солнца.....	114
Ветер давит стекло снаружи.....	116
Четвёртый разменяв десяток.....	117
На первый взгляд на родине пока	118
Наутилус.....	119

Содержание

От автора.....	2
Вологодский ветер	4
В промокшей северной деревне	5
Бывший узник, ломаемый скрипом костей	6
Холодные слова	7
Один из путей	9
Неназываемое	10
Вечерняя любовь	11
Исповедь медведя	12
Старый дядя Вася.....	13
Какая-то арабская судьба	15
Нам светит Солнце со своей эклиптики	16
Монастырские летописцы	18
Угнетение ветром	19
Тропинка в горы.....	21
При затмении полной луны.....	22
Что-то должно случиться.	23
Серая ночь.....	24
Позиция	25
Летняя сессия.....	27
ЧП	28
Объяснение в любви.....	29
Ночь в Вологде. Завеса дыма	30
Вот человек с глазами птицы.....	31
Когда с тобой наедине	32
Снег. Душа моя остыла.....	33
Утром встанешь - в кране сухо.	34
Предвестие зимы	36
Письмо китайского посланника.....	38

Андрей Коков, "Искушение ветром": сборник стихов, 1996
 124 с. Вологда, "Свеча", 1996. Тираж свободный.
 Подготовка и оформление текста: © А.Коков, Финляндия
 1996

Графические материалы: Corel Gallery 2 (under license
 terms number CG2-020-092156) © Corel® Corporation,
 Canada 1995

